

РАЗВИТИЕ ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ РОССИИ И ЕЕ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЕ ОФОРМЛЕНИЕ В XVIII–НАЧАЛЕ XIX ВВ.

Третьякова Е.С.

Торговые отношения изначально лежали в основе формирования международного общения, поэтому именно с них началось взаимодействие государств в правовой сфере и их оформление в правовых формах.

Россия встала на путь систематического сотрудничества с другими государствами, с восшествием на престол Петра I. В период правления Петра наблюдался рост численности иностранцев, занимавшихся торговлей на территории Российского государства, что явилось непосредственным результатом проводимой в то время политики, направленной на резкое расширение внешнеторговых связей страны с европейским рынком. Так, в первые годы XVIII в. по сравнению с концом XVII в. численность иностранного купечества в России увеличилась практически в два раза. Большое значение для развития торговли также имел манифест от 16 апреля 1702 г., который провозглашал возможность свободного доступа в Российское государство иностранцев, занимающихся определенными видами деятельности (в т.ч. и купечества). Правительство заявляло о своей го-

товности «учинить...приказания, распоряжения и учреждения... к споспешествованию торговли с иноземцами»¹. При этом с момента открытия петербургских портов купцы-иностранцы стали занимать все более лидирующее место в российской торговле с иностранными государствами, и к концу XVIII в. (1793 г.) торговый оборот Санкт-Петербурга составил 3/4 общего оборота всех находящихся под российским контролем балтийских портов².

Что касается непосредственно торговых договоров, заключенных Россией с другими государствами в рассматриваемый период, то их характеризует широкое использование Россией условий наибольшего благоприятствования, тем более, что торговля с ней была выгодна для многих стран. Так, в конце XVII – начале XVIII в. резко возрастают экономические связи между Россией и Англией, и именно в этот период находит свое полное выражение и закрепление в торговых договорах режим наибольшего благоприятствования. Объем торговли с 1697 по 1704 г. увеличивается в 3,5 раза³.

Торговля России и Англии в начале XVIII в. являлась весьма важным, хотя уже и не единственным, внешним связующим звеном между этими странами. 8 июля 1719 г. Петр I продекларировал положение, согласно которому английским и голландским подданным разрешалась свободная торговля любыми товарами, не входящими в список контрабандных. При этом список контрабандных товаров состоял всего из нескольких названий: порох, свинец, селитра, сера, пенька и все, «что к флоту надлежит»; хлеб, а также соль. Россия, следовательно, выступала инициатором свободной торговли на Балтийском море.

Что касается торговых отношений России и США, то с самого начала они развивались довольно активно. Об этом свидетельствует то, что первое предложение о заключении торгового договора, основанного на принципах наибольшего благоприятствования со стороны США, поступило еще в начале 1804 г. Российский поверенный в делах в Париже П.Я. Убри следующим образом прокомментировал полученное им от американского посланника в Париже Ливингстона письмо: «Считая одинаково выгодным как для России, так и для Соединенных Штатов расширение торговых отношений между ними, предлагает заключить торговый договор на основе предоставления

¹ Манифест «О вызове иностранцев в Россию с обещанием им свободы вероисповедания» от 16 апреля 1702 г. // ПСЗ-1. – Т. IV. – № 1910.

² Микаэль Е. Датско-Российская торговля в 1500-1800 гг. // Дания и Россия - 500 лет. – М., 1996. – С. 97.

³ См. подробнее: Никифоров Л.А. Русско-английские отношения при Петре Первом. – М., 1950. – С.27.

подданным обеих держав преимуществ в торговле, которыми пользуются наиболее благоприятствуемые нации, а также обеспечения судам под американским флагом права прохода в Черное море»¹. Но подписание договора было отложено, хотя время от времени правительства обменивались взаимными уверениями в дружественных отношениях и благоприятствовании торговле взаимных подданных.

Так, после возвращения потерпевшего у берегов Триполи крушения фрегата США российский император отметил: «Я желал бы, чтобы это недвусмысленное свидетельство моего доброго расположения способствовало расширению торговых отношений, которые начинают устанавливаться между нашими двумя странами; оно должно послужить для Ваших сограждан залогом того, что они всегда будут пользоваться гостеприимством, покровительством и привилегиями в моих владениях. Я разделяю Ваше мнение о том, что заключение какого-либо акта вряд ли что-либо дало бы дополнительно к этому, и я с тем большим основанием рассчитываю на взаимность со стороны правительства Соединенных Штатов по отношению к моим подданным, что его мудрость не оставляет у меня никаких сомнений относительно искренности Ваших заверений на этот счет»².

Но несмотря на эти все уверения, нельзя не отметить и то, что в торговых взаимоотношениях двух стран существовали и свои сложности. Так, торговое предприятие «Американская компания» сообщило в 1808 г. министрам иностранных дел и коммерции, что некоторые суда США ведут торговлю с туземцами, снабжая их оружием и порохом, что по своей сути являлось контрабандой. При помощи этого оружия были разрушено немало российских кораблей и убиты многие российские подданные. В связи с этим правительству России необходимо было обеспечить безопасность и коммерческие интересы своих подданных, в результате чего было сделано официальное предложение о заключении конвенции между Россией и США по вопросу о торговле на северо-западе Америки³.

Эта попытка урегулирования отношений на дипломатическом уровне не привела к каким-либо положительным результатам. Кроме того, посланник России в США Ф.П. Пален, основываясь на собран-

¹ Поверенный в делах в Париже П.Я. Убри товарищу министра иностранных дел А.А. Чарторыйскому 4 (16) апреля 1804 г. // ВПР. – Сер. I. – Т. I. – № 100.

² Александр I президенту Соединенных Штатов Америки Т. Джефферсону 20 декабря 1804 г. (1 января 1805 г.). // ВПР. – Сер. I. – Т. II. – № 84.

³ Нота министра иностранных дел Н.П. Румянцева генеральному консулу США в Санкт-Петербурге Гаррису от 17 (29) мая 1808 г. // ВПР. – Сер. I. – Т. IV. – № 117.

ной им информации, сообщил сделанный им вывод, что «правительство США имеет также мало желаний, как и возможности положить конец незаконной торговле... Правительство США считает, что, запретив на словах контрабандную торговлю, оно предоставит нам слишком большую выгоду, и требует от нас реальной компенсации за свои прозрачные уступки, тогда как это запрещение должно рассматриваться просто как акт справедливости, обусловленный принципами международного права»¹. В связи с этим была заключена специальная конвенция между Российско-американской компанией и американской меховой компанией Астора².

Первая же конвенция между двумя государствами, сделавшая попытку установления норм, направленных на борьбу с незаконной торговлей, была заключена 5 (17) апреля 1824 г. в Петербурге. В соответствии с ней корабли обоих государств в течение 10 лет получали право беспрепятственного захода во внутренние воды русских владений в Америке. Торговля спиртными напитками, оружием, порохом и военными снарядами всякого рода с индейцами была, пожалуй, единственным запретом, существовавшим в этом документе. Интересен и тот факт, что не все представители Сената США одобряли заключение данного соглашения. Так, один из сенаторов, «человек выдающийся и весьма сведущий в делах, связанных с торговыми интересами США, выразил намерение привлечь внимание Сената к условиям части конвенции, касающейся запрещения торговли оружием, боеприпасами и спиртными напитками... Он и раньше утверждал, что Россия ничего не выиграет от принятия этих условий, а интересы американцев пострадают, ибо этой отраслью торговли безраздельно завладеют англичане»³. Но несмотря на некоторые споры во время обсуждения конвенции в Сенате США, она была ратифицирована почти единогласно.

В отношениях России и Соединенных Штатов заметное место также занял торговый договор 1832 г. В его тексте был зафиксирован принцип наибольшего благоприятствования, ставший основой для дальнейшего развития русско-американских торговых связей. Данный договор неоднократно продлевался и просуществовал до 1913 г.

¹ Посланник в Соединенных Штатах Америки Ф.П. Пален министру иностранных дел Н.П. Румянцеву 9 (21) июля 1810 г. // ВПР. – Сер. I. – Т. V. – № 221.

² Конвенция между американской меховой компанией и Русско-американской компанией от 20 апреля (2 мая) 1812 г. // ВПР. – Сер. I. – Т. VI. – № 156.

³ Посланник в Вашингтоне Ф.В. Тейль-фан-Сероскеркен управляющему Министерством иностранных дел К.В. Нессельроде 17 (29) января 1825 г. // ВПР. – Сер. II. – Т. VI (XIV). – № 8.

В поле зрения России на внешнеполитической арене находились и восточные государства, относимые в ту пору к «полуцивилизованным» странам. Их развитию содействовали как географическое положение Российского государства, так и его историческая задача в Азии, и указанные взаимоотношения, подобно российско-американским отношениям, в рассматриваемый период носили эпизодический характер и развивались несколько обособленно от отношений России с западноевропейскими государствами.

Торговые отношения европейских государств с Китаем возникли уже в XVI столетии. Весьма вероятно, что Россия раньше других начала взаимодействовать с Китаем. Так, по свидетельству русских историков первое посещение русских посланников Китая относится к 1567 г. Но только в XIX в. отношения с этой страной приняли более широкие размеры. Причем, как утверждает Ф.Ф. Мартенс, в отличие от западноевропейских держав «... политика нашего правительства никогда не подчинялась специальным интересам торговли. Никогда русская политика не вдохновлялась «стремлениями торгашей», никогда она не хотела приносить в жертву внешние интересы нации. Россия не преследовала по отношению к Китаю ни целей, которые должны были деморализовать или уничтожить его жизненные силы, ни стремления, последствием которых было бы навязать китайцам блага христианской религии в ущерб их национальному суверенитету и их будущности. Единственной целью нашей политики в Китае было развитие коммерческих и дружественных отношений под условием взаимного сохранения национальной независимости в сфере внутренней администрации и внешних сношений»¹.

Первый договор между Россией и Китаем был заключен 27 августа 1689 г. в Нерчинске, в котором обе стороны брали на себя обязательства не препятствовать мирным и торговым сообщениям и преследовать всех нарушителей права и порядка. Непосредственно после заключения данного договора отношения между двумя государствами не раз портились. На требования о выдаче беглых тунгусов русскому посланнику отвечали лишь жалобами на нарушение русскими пограничных законов. На жалобы и желания китайцев с российской стороны было обращено также мало внимания, как и с их стороны на предложения Российского государства, и поэтому, несмотря на личное уважение Петра к Кхан-си, сношения обоих дворов были пре-

¹ Мартенс Ф.Ф. Россия и Китай. Историко-политическое исследование. – СПб., 1881. – С. 7.

крашены до 1712 г., только караваны каждые два года ходили в Китай; но и тут китайцы жаловались на поведение русских купцов, а русские – на притязания китайских чиновников¹. Следующие заключенные между двумя государствами трактаты долго являлись практически исключительным основанием сношений России с Китаем². С начала XVIII в., таким образом, отношения между Россией и Китаем начали прогрессивно развиваться, а политика, выбранная китайским правительством, делается более сообразной с обычаями европейской учтивости и с условиями доброго соседства.

В течение XVIII и первой половины XIX в. между Россией и Китаем осуществлялись дипломатические отношения, вызванные отчасти торговыми интересами, но все же преимущество оставалось за пограничными столкновениями. Вместе с тем, в отличие от западноевропейских стран и США, Россия не одобряла опиумную торговлю, которая в то время развивалась в первую очередь со стороны Англии. 12 (24) апреля 1841 г. в России был издан специальный указ, официально запрещавший торговлю опиумом, а 20 января (1 февраля) 1844 г. был указ «о воспрещении продажи китайцам опиума», закрепивший прежнее запрещение и установивший меру наказания за нарушения указа. Виновные в продаже опиума, согласно постановлению, предавались военному суду³.

Обращаясь к вопросам взаимоотношения с Персией, обратим внимание на то, что отношения европейских государств с данным государством были вызваны и поддерживались политическими и торговыми интересами, поскольку через Персию пролегал путь в Индию, и поэтому нормальные отношения с этой страной всегда были желательны. Одновременно, религиозная и политическая неприязнь Персии к Турции делали ее союзницей христианских государств. Именно последнее и лежало в основе отношений между Россией и Персией, начало которых относится к времени правления Ивана Грозного, когда от персидского хана Тамаса прибыли послы с предложением союза против турецкого султана⁴. В течение XVII в. торговые отношения

¹ См.: Историческое известие о российских посольствах в Китай // Сын отечества. – 1821. – № XXXII. – С. 241–253.

² Договор между Россией и Китаем, заключенный при реке Буре «О постановлении между обеих держав вновь границы» от 20 августа 1727 г. // ПСЗ-1. – Т. VII. – № 5143; Генеральный трактат «О вечном мире и о утверждении границ между Россией и Китаем; о неудержании перебежчиков...» от 14 июня 1728 г. // ПСЗ-1. – Т. VIII. – № 5286.

³ Указ «О непропуске в Китайские пределы опиума» от 12 (24) апреля 1841 г. // ПСЗ-2. – Т. XVI. – № 14450; Указ сенатский по высочайшему повелению «О воспрещении продажи Китайцам опиума и о предавании военному суду изобличенных в таковой продаже» от 20 января 1844 г. // ПСЗ-2. – Т. XIX. – № 17547.

⁴ Карамзин Н.М. История Государства Российского. – М., 1989. – Т. IX. – Кн. 3. – С. 135.

России с Персией еще более развились, но до нас не дошел с того времени ни один акт относительно прав и обязанностей русских подданных в Персии¹. В этом российское государство опередила Франция. И если Франция раньше других европейских государств заключила международный договор с Персией, то Россия успела получить в пользу своих консулов и подданных такие права, которые Персия ранее не предоставляла никому.

Первый торговый трактат между Россией и Персией был заключен Петром I в 1717 г. На его основании Россия получила право назначать в Персию своего консула, юрисдикции которого подлежали все тяжбы и преступления между русскими подданными². Вместе с тем обеспечивалась безопасность торговли и неприкосновенность личных и имущественных прав российских подданных. Но Персия постоянно нарушала принятые на себя обязательства, что приводило к частым столкновениям с Россией, которые заканчивались заключением новых мирных и торговых договоров (1723 г., 1732 г., 1735 г., 1813 г.). Во всех вышеуказанных трактатах более или менее подробно подтверждаются права русских консулов и подданных³. Но большее внимание уделяется обязанности персидских властей в отношении русских консулов и подданных в отдельном акте, присоединенном к Туркменчайскому трактату 1828 г. Согласно этому акту обе договаривающиеся стороны берут на себя обязательства оказывать постоянное покровительство торговым отношениям. Русскому консулу исключительно подлежит рассмотрение всех споров и преступлений, в которых участвующие стороны только русские подданные. Но в случае, если русский подданный, совершивший преступление, от которого пострадал «туземный» подданный, не может быть наказан в Персии,

¹ Мартенс Ф.Ф. О консулах и консульской юрисдикции на востоке. — СПб., 1873. — С. 278.

² Договор между Россией и Персией «О торговле Российских купцов в Персии» от 30 июня 1717 г. // ПСЗ-1. — Т. V. — № 3097.

³ Петербургский трактат между Россией и Персией «Об уступке в вечное Российской империи владение лежащих по Каспийскому морю Провинций Гиляни, Мизандерона, Астрабата, и городов Дербента и Баку со всеми принадлежащими к ним землями, за сделанное от России Шаху против бунтовщиков вспоможение» от 12 сентября 1723 г. // ПСЗ-1. — Т. VII. — № 4298; Трактат между Россией и Персией «О восстановлении между обеими державами дружественных сношений» от 21 января 1732 г. // ПСЗ-1. — Т. VIII. — № 5935; Трактат между Россией и Персией, заключенные при Генже «О возвращении в Персидскую сторону городов Баки и Дербента с уздами; об утверждении между обеих государств вечного союза; о продолжении с Персидской стороны военных действий против Турок, доколе они не возвратят всех захваченных от Персии Провинций; о включении России в мирный договор, о подтверждении сим постановлением заключенного в Ряще (21 января 1732 г.) трактата; о свободной торговле в обеих государствах взаимным подданным; о посылке о том во все места уездов; о допущении в Персии, для торговли, Российского консула; о возвращении с обеих сторон взаимных подданных; и об утверждении сего трактата взаимными ратификациями» от 10 марта 1735 г. // ПСЗ-1. — Т. IX. — № 6707; Трактат вечного мира и дружбы между Россией и Персией от 12 октября 1813 г. // ПСЗ-1. — Т. XXXII. — № 25466.

но по окончании следствия и вынесения приговора персидским судом, он должен быть выдан русскому посланнику или консулу для исполнения наказания. Данная норма является льготной для России и не встречается в других трактатах, заключенных Персией с иностранными государствами.

Как известно, в рассматриваемый период времени международные отношения еще не приобрели постоянный, стабильный порядок, нередко случались разрывы дипломатических отношений, а также военные действия государств против друг друга. Это не могло не отражаться на торговых отношениях, и поэтому существовала необходимость регулирования взаимных действий государств в подобных ситуациях. Уже к VIII в. право государств на торговые отношения друг с другом не оспаривалось никем из участников международного общения, а свобода избирать торгового партнера являлась почти общепризнанной. Однако считалось, что воюющие государства могут вмешиваться в торговые отношения «вражеских» государств со странами, которые не участвуют в вооруженном конфликте¹. Россия же пыталась изменить данное положение. Так, например, в Декларации о вооруженном нейтралитете (1780 г.) Российское государство встало на защиту права государств на свободную торговлю и во время войны, полагая, что если торговля не связана с товарами военного характера, никто не вправе вмешиваться в торговые отношения государства².

Но на практике дело обстояло иначе. Так, во время обострения отношений, в канун войны 1806–1807 гг. между Россией и Францией, после рассмотрения ст. 45 существующего к тому моменту торгового договора 1787 г., французское правительство приняло решение: «Хотя договор гарантирует безопасность и свободу подданным договаривающихся сторон и их собственности в течение одного года, император и король счел это условие настолько соответствующим принципам международного права, что распорядился соблюдать эту статью даже по истечении указанного срока и к тому же независимо от того, что Россия со своей стороны сочтет возможным сделать в этом отношении». Далее добавлено, что «русские суда с их экипажами, добровольно зашедшие во время войны в один из портов Франции, будут пользоваться преимуществами, оговоренными в той же статье; судьба экипажей кораблей, захваченных до войны, будет решена в соответ-

¹ Развитие русского права второй половины XVII–XVIII вв. – М., 1992. – С. 261.

² Морская конвенция для окрания нейтрального торгового кораблеплавания, заключенная между императрицею всероссийскою и королем датским в Копенгагене от 28 июня (9 июля) 1780 г. // ПСЗ-1. – Т. XX. – № 15023.

ствии с договором, но что они не будут считаться военнопленными; это не будет применяться к кораблям, захваченным в море после начала войны»¹. Действие указанного договора России и Франции в ходе военного противостояния не могло не быть прервано, в связи с чем Александр I издал указ, в соответствии с которым предписывалось: «Выслать из пределов России всех торговых агентов Франции и союзных с нею стран, а также всех французов, проживающих в России и отказавшихся дать присягу в том, что они не будут иметь сношений с неприятелем»².

С другими странами, в т.ч. изначально не входившими в военную оппозицию, торговые отношения русских купцов складывались также не совсем гладко. Так, правительство Англии считало продолжающуюся торговлю между Россией и Францией (до прекращения действия соответствующего договора) незаконной, в связи с чем английские военные корабли, в нарушение заключенной между двумя странами 5 (17) июня 1801 г. морской конвенции задерживали русские суда, посещавшие французские порты и принудительно отправляли их в Англию, тем самым нанося существенный ущерб российской торговле.

В мае 1806 г. в прусских портах из-за блокады, объявленной по приказу шведского короля, были задержаны несколько нейтральных судов, груженных товарами, принадлежащими русским подданным, в результате чего со стороны российского посланника была заявлена нота протеста, которая, как и последующие, при аналогичных действиях, не имела практически никакого результата³. В последствии отношения с Англией были разорваны⁴, хотя многие считали, что это неправильный шаг императора. Например, А.А. Чарторыйский следующим образом выразил свое мнение по поводу вышеуказанной декларации: «Трудно понять поспешность, с которой русское правительство предприняло этот шаг», а разрыв с Англией он называет событием «самым несчастливим для Европы, России и личности императора»⁵. В связи с тем, что Швеция отказалась выступить совместно с Россией против Англии, а также заключила союз с Англией и про-

¹ Запись беседы управляющего министерством иностранных дел А.А. Чарторыйского с французским торговым агентом в С.-Петербурге Лессепсом 31 марта (12 апреля) 1806 г. // ВПР. – Сер. I. – Т. III. – № 35.

² Указ Александра I Правительствующему Сенату от 28 ноября (10 декабря) 1806 г. // ВПР. – Сер. I. – Т. III. – С. 411.

³ Нота посланника в Стокгольме Д.М. Алопеуса главному маршалу Швеции Ферзену от 22 мая (3 июня) 1806 г. // ВПР. – Сер. I. – Т. III. – № 68.

⁴ Декларация Александра I от 26 октября (7 ноября) 1807 г. // ВПР. – Сер. I. – Т. IV. – № 37.

⁵ А.А. Чарторыйский С.Р. Воронцову 31 октября (12 ноября) 1807 г. // ВПР. – Сер. I. – Т. IV. – С. 107.

извела арест русского посланника в Стокгольме, указанному государству также была объявлена война. В результате последовал указ: «С 1 (13) января 1809 г. на иностранные товары, привозимые в Россию, должны предъявляться удостоверения о том, что они не изготовлены в странах, с которыми Россия находится в состоянии войны, в частности в Англии, Швеции и их колониях»¹. Таким образом, военные операции государств в рассматриваемый период, несомненно, оказывали влияние на торговые отношения подданных этих государств.